

СЛОВО¹⁾

ВЪ ПЯТОКЪ ЧЕТВЕРТОЙ НЕДЕЛИ ВЕЛИКАГО ПОСТА,

ПРИ ВОСПОМИНАНІИ СТРАСТЕЙ ХРИСТОВЫХЪ.

(Противъ извращенія графомъ Л. Толстымъ христіанства).

*Придетъ часъ, да всякъ, иже
убіетъ вы, возмнится службу
приносити Богу (Іоанн. 16, 2).*

Печальный, тяжелый, скорбный часъ!. Благовѣстники Христова ученія будутъ гонимы, унижаемы, оскорбляемы и въ заключеніе приведены къ позорной мучительной смерти. Ихъ будутъ всячески злословить и преслѣдовать, ижденуть ихъ изъ сонмищъ, привлекутъ на судилища, гдѣ они своею кровью запечатлѣютъ истину Христова ученія. А самое ученіе Христа Спасителя будетъ всякимъ способомъ извращаемо, затемняемо, перетолковываемо,—вмѣсто того, чтобы быть принятымъ непосредственно во всей его недосягаемой возвышенности и простотѣ. И, что еще замѣчательно, люди, относящіеся такимъ образомъ къ благовѣстникамъ Евангельскаго ученія и самому этому ученію, будутъ думать, что они творятъ доброе дѣло, приносятъ службу Богу. Вотъ какое время предсвѣзываетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ предъ страданіями Своимъ ученикамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ Своимъ истиннымъ послѣдователямъ. „Придетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу“. Не печаль-

¹⁾ Произнесено въ церкви Кіево-Братскаго монастыря. 13 марта 1893 г.

ный ли, не тяжелый, не прискорбный ли этотъ часъ? Ничего, кажется, и не можетъ быть печальнѣе для того, кто любитъ истину, а слѣдовательно любить и проповѣдниковъ ея, кто готовъ неизмѣнно слѣдовать истинѣ, какъ единственному вѣрному пути жизни.

И сбылось, братіе, пророчественное слово нашего Божественнаго Учителя. Припомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, сколько тягостей и страданій, сколько преслѣдованій и гоненій пришлось перенести вмѣстѣ съ первенствующею Церковью апостоламъ Христовымъ, большинство которыхъ, какъ извѣстно, претерпѣли мученическую кончину. Одинъ изъ апостоловъ, самъ прежде ревностно гнавшій Христа, сдѣлавшись послѣ вѣрнымъ ученикомъ нашего Господа, пишетъ: „бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи“ (2 Кор. 11, 26). А въ другомъ мѣстѣ тотъ же великій апостолъ говоритъ: „Богъ ны посланники послѣднія яви, яко насмертники, зане позоръ быхомъ міру, Ангеломъ и человѣкомъ. Мы (убо) буи Христа ради... мы немощни... мы... безчестни. До нынѣшняго часа и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, и страждемъ, и скитаемся... Уворяеми, благословляемъ, гоними, терпимъ, хулими, утѣшаемся: якоже отреби міру быхомъ, всѣмъ поправіе доселѣ“ (1 Кор. 4, 9—13). Припомнимъ, далѣе, вѣка мучениковъ,—тяжелые вѣка, когда кровь христіанская лилась рѣкою отъ Декіевъ, Діоклетіановъ, и эта кровь, по выраженію одного церковнаго учителя, была сѣменемъ христіанъ. Припомнимъ, затѣмъ, вѣка вселенскихъ соборовъ, когда Аріи, Маведоніи, Несторіи, Евтихіи своими еретическими ученіями совершенно извращали чистоту христіанства, на защиту котораго выступили богомудрые отцы. И что же? Всѣ эти люди, такъ яростно гнавшіе Церковь Христову, такъ безпощадно искажавшіе ея ученіе, находились, какъ свидѣтельствуесть исторія, въ томъ ужа-

сномъ духовномъ самоослѣпленіи, что они дѣлаютъ то, что нужно дѣлать,—приносить службу Богу.

Сбылось, повторимъ, братіе, пророчественное слово Господа Своимъ ученикамъ. Но не сбывается ли, спросимъ, оно и теперь? Сбывается, несомнѣнно сбывается. И въ настоящее время есть люди, которые своимъ лжеумудрствованіемъ явно извращаютъ христіанство, а между тѣмъ думаютъ и искренно думаютъ, что они правильно понимаютъ и разъясняютъ христіанство,—приносятъ службу Богу. Говоря это, мы разумѣемъ преимущественно одного извѣстнаго человѣка, о которомъ не такъ давно вы слышали съ сего же священнаго мѣста. Человѣкъ этотъ находится именно въ такомъ ужасномъ духовномъ помраченіи, и мало того, что самъ горько заблуждается, еще дѣйствуетъ на чѣмъ-то, и есть люди, которые думаютъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ приноситъ службу Богу. Но такъ ли—дѣйствительно ли этотъ человѣкъ творитъ Божіе дѣло? О, нѣтъ, далеко нѣтъ!

Христіанство говоритъ намъ, что Богъ есть Существо личное, духовное, всесовершенное, любящее насъ, есть Отецъ нашъ небесный. Онъ создалъ для нашего блага этотъ видимый окружающій насъ міръ, постоянно печется о насъ, даетъ намъ все потребное. Безъ Его святой воли и волосъ съ головы нашей не падеть. Если Онъ посылаетъ пищу птицамъ небеснымъ, которыя „ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы“, если Онъ такъ пышно одѣваетъ кринны сельные, которые сегодня есть, а завтра засыхаютъ и въ огонь бросаются, то тѣмъ болѣе Онъ печется о насъ, какъ существахъ разумныхъ, созданныхъ по Его образу (Матѣ. 5, 26—30). Онъ видитъ наши радости и наши скорби, помогаетъ намъ и утѣшаетъ насъ, вспомоществуетъ всему доброму и караетъ все дурное. Нѣтъ такой горячей искренней молитвы, которая не была бы услышана Отцемъ небеснымъ. „Аще убо вы лукави суще“, говоритъ Спаситель, „умѣете даянія блага дати чадомъ вашимъ, колыи паче Отецъ вашъ небесный дастъ

блага просящимъ у него“ (Мате. 7, 11). И сколько разъ Самъ Спаситель обращается съ молитвою къ Богу, какъ Своему Отцу небесному. „Отче мой, аще возможно есть, да мимоидеть отъ мене чаша сія“ (Мате. 26, 29), молится Онъ въ саду Геосиманскомъ; „Отче, ихъ же далъ еси мнѣ, хощу, да, идѣже есмь азъ, и тѣи будутъ со мною“ (Іоанн. 16, 24), говоритъ Онъ въ Своей великой первосвященнической молитвѣ; „Отче, въ рудѣ твои предаю духъ мой“ (Лук. 23, 46)—были Его послѣднія, предсмертныя слова. По ученію христіанства, мы находимся во внутреннемъ тѣснѣйшемъ общеніи съ Богомъ, и сколько утѣшительнаго въ томъ, что мы можемъ вызывать къ Нему: „Авва, Отче“ (Гал. 4, 6); сколько радостнаго въ томъ, что Отецъ, если мы того достойны, придетъ къ намъ и обитель у насъ сотворитъ (Іоанн. 14, 23). Ученіе христіанства о Богѣ безмѣрно возвышается надъ всѣмъ, что сказала по этому предмету древняя языческая религія и философія; послѣдняя, въ лицѣ самыхъ высшихъ своихъ представителей, могла только гадать, что есть нѣкоторый Творецъ и Отецъ вселенной, познать Котораго трудно, а познавши повѣдать всѣмъ не возможно; но что до-христіанскій міръ только смутно предчувствовалъ, то явилось намъ въ ясномъ свѣтѣ дня. Представьте же теперь, братіе, человѣка, который, думая, что онъ разъясняетъ христіанство, ничего не желаетъ знать о нашемъ Отцѣ небесномъ, какъ Существо личномъ, духовномъ, а на мѣсто Его ставитъ безличный, мировой, бессознательный, всепроникающій разумъ. Развѣ такой человѣкъ понялъ христіанское ученіе? Развѣ онъ разъясняетъ его? Мало того: развѣ онъ не прямо искажаетъ и извращаетъ Христово ученіе?... И этотъ человѣкъ въ своемъ горькомъ, печальнѣйшемъ заблужденіи думаетъ, что онъ творитъ Божіе дѣло, приноситъ службу Богу, и есть люди, которые полагаютъ, что онъ дѣйствительно это дѣлаетъ!

Христіанство говоритъ намъ, что кромѣ этой временной поскосторонней жизни есть другая вѣчная, потусторонняя. И

какъ ясно оно учитъ насъ объ этомъ, какъ не возможно здѣсь какое бы то ни было сомнѣніе и колебаніе! Иисусъ Христосъ утѣшительно говоритъ намъ: „да не смущается сердце ваше... въ дому Отца моего обители многи суть: аще ли же ни, рекль быхъ вамъ“ (Іоанн. 14, 1—2). Онъ заповѣдуетъ намъ: „не скрываете себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлѣтъ, и идѣже татіе подкопываются и крадутъ: скрываете же себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлѣтъ, и идѣже татіе не подкопываютъ, ни крадутъ“ (Матѣ. 6, 19. 20). Онъ учитъ насъ: „не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить: убойтесь же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ“ (Матѣ. 10, 28). А что говорить намъ о томъ же святые апостолы? Наше тѣло есть только временная храмина нашего безсмертнаго, неуничтожимаго духа, и если эта храмина „разорится, созданіе отъ Бога имама храмину неруковотворену, вѣчну на небесѣхъ“ (2 Кор. 5, 1). Въ этомъ мірѣ мы только странники и пришельцы, „не имама бо здѣ пребывающаго града, но градущаго взыскуемъ“ (Евр. 13, 14). Цѣль нашей земной жизни богоуподобленіе, и кто подвигомъ добрымъ подвизался въ этомъ трудномъ дѣлѣ, тому, „соблюдается... вѣнецъ правды, его же воздасть... Господь въ день оны, праведный судія“ (2 Тим. 4, 6). Если бы христіанство не говорило о нашемъ личномъ безсмертіи, наша жизнь обратилась бы въ „юдолю плача и скорбей“, стала бы темною, непроглядною ночью. „Аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы во Христа“, говоритъ апостолъ Павелъ, „окаяннѣйши всѣхъ человекъ есмы“ (1 Кор. 15, 19). Вѣра въ личное безсмертіе составляетъ коренную неуничтожимую потребность нашего духа; она увѣрплается не только божественнымъ откровеніемъ, но и свидѣтельствомъ самой нашей души.—Что же послѣ этого мы должны сказать, братіе, человекъ, который, считая себя понявшимъ и разъясняющимъ христіанство, опредѣленно говоритъ,—о, страшно и выговорить, опредѣленно говорить, что Христосъ никогда не училъ

о личномъ безсмертіи, а только о безсмертіи въ человѣчествѣ чрезъ соединеніе съ безличнымъ мировымъ разумомъ, что по-этому мы не должны жить вѣрою въ загробную жизнь, а вполне довольствоваться этою настоящею жизнію? Что скажемъ на это? Вы, труждающіеся и изнемогающіе подъ тяжестью непосильнаго житейскаго труда,—вы скажите сему человѣку, какъ и другимъ подобнымъ, что онъ горько заблуждается, находится въ печальнѣйшемъ духовномъ самоослѣпленіи. Вы, страждущіе и обремененные, постигаемые разными скорбями, бѣдами и напастями,—вы скажите сему человѣку, какъ и другимъ подобнымъ, что онъ не Божіе дѣло творить, а дѣло противное Богу. Вы, подвигомъ добрымъ подвизающіеся на пути своего духовнаго усовершенствованія, не смотря на всѣ препятствія,—вы скажите сему человѣку, какъ и другимъ подобнымъ, что онъ не службу приносить Богу, а извращаетъ Христово ученіе.

Мы видимъ, братіе, великій день,—день Христа Богочеловѣка, искупившаго насъ и воскресшаго. Этого дня ожидали ветхозавѣтные праведники, пророки и другіе благочестивые люди; его желалъ узрѣть праотецъ Авраамъ, и онъ видѣлъ его духомъ: видѣлъ и радовался (Іоанн. 8, 56). И какъ ясенъ этотъ день во всѣхъ его моментахъ для сознанія истинно вѣрующаго христіанина. Сколько разъ, въ самомъ дѣлѣ, Іисусъ Христосъ говоритъ о Своемъ равенствѣ и единосущіи съ Богомъ Отцемъ; сколько разъ Онъ указываетъ на искупленіе человѣка отъ тяготящей надъ нимъ вины, какъ на дѣль Своего прішествія въ міръ; сколько разъ Онъ говоритъ объ исходѣ Своемъ, „егоже хотяше скончати во Іерусалимѣ“ (Лук. 9. 31), и какъ точно завѣренъ фактъ смерти и воскресенія нашего Господа. Послушаемъ, братіе, самыхъ буквальныхъ словъ Писанія, которыя убѣдительно всего. „Азъ и Отецъ“—говоритъ Іисусъ Христосъ—„едино есма (Іоанн. 10, 30); Отецъ мой до селѣ дѣлаеть, и азъ дѣлаю... Якоже... Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живить, тако и Сынъ, ихже хоцетъ, живить. Отецъ

бо не судить никомуже, но судъ весь даде Сынови: да вси чтуть Сына, якоже чтуть Отца, а иже не чтить Сына, не чтить Отца пославшаго его... Якоже... Отець имать животь въ себѣ, тако даде и Сынови имѣти животь въ себѣ" (Иоанн. 5, 17. 21—23. 26). Послушаемъ дальше: „Сынъ челоувѣч не прииде, да послужать ему, но да послужить и дасть душу свою избавленіе за многихъ (Марк. 10, 45); азъ есмь пастырь добрый: и знаю моя и знаютъ мя моя... и душу мою полагаю за овцы (Иоанн. 10, 14. 15); азъ есмь хлѣбъ животный, иже спедый съ небесе... и хлѣбъ, егоже азъ дамъ, плоть моя есть, юже азъ дамъ за животь міра“ (Иоанн. 6, 51). Послушаемъ еще: „Оттолѣ начатъ Исусъ сказовати ученикомъ своимъ, яко подобаеъ ему ити во Иерусалимъ и много пострадати отъ старецъ и архіерей, и книжникъ, и убіену быти, и въ третій день востати“ (Мате. 16, 21); „сходящимъ имъ съ горы, запрети имъ (т. е. апостоламъ), да никомуже повѣдаютъ, яже видѣша, токмо егда Сынъ челоувѣч изъ мертвыхъ воскреснетъ“ (Мар. 9, 9). Приникнемъ, наконецъ, своимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ и къ слѣдующимъ знаменательнымъ словамъ апостола: „Предахъ бо вамъ исперва, еже и пріяхъ, яко Христось умре грѣхъ нашихъ ради, по писаніемъ; и яко погребенъ бысть, и яко воста въ третій день, по писаніемъ; и яко явися Клеѣѣ, таже единонадесятимъ. Потомъ же явися боле пятисотъ братіямъ единою, отъ нихъ же множайшии пребываютъ доселѣ, нѣщцы же и почиша. Потомъ же явися Іакову, таже апостоломъ всѣмъ. Послѣди же всѣхъ, яко нѣкоему извергу, явися и мнѣ... Аще же Христось не воста, тще убо проповѣданіе наше... Аще же Христось не воста, суетна вѣра ваша“ (1 Кор. 15, 3—8. 14. 17). Что же? Развѣ неясны, неубѣдительны эти слова Писанія? Развѣ неиспорченнымъ умомъ они могутъ быть извращаемы и перетолковываемы? И ихъ ли только можно привести, на нихъ ли только можно сослаться? Понятно теперъ, какъ мы должны смотрѣть на челоувѣка, который, путемъ своего лжемудрствован-

ніа, пришелъ къ отрицанію этихъ основныхъ великихъ истинъ христіанства. Онъ — не будетъ преувеличеніемъ сказать,— прямо жааетъ убить Христово ученіе; нѣтъ для него Христа Богочеловѣка Искупителя, нашей надежды, нашего упованія.—Который „язвень бысть за грѣхи наша, и мучень бысть за беззаконія наша, наказаніе мира нашего на немъ: язвою его мы исцѣлѣхомъ“ (Ис. 53, 5). И этотъ человѣкъ, въ своемъ ужасномъ самоослѣпленіи, думаетъ, что онъ позналъ христіанство и разъясняетъ его; онъ сравниваетъ себя съ разбойникомъ, познавшимъ Спасителя при крестѣ. Господи! прости ему: не вѣдитъ бо, что творить!

По ученію христіанства, намъ даны всѣ благодатныя средства, „яже къ животу и благочестію“ (2 Петр. 1, 3); но этими средствами необходимо воспользоваться, что дѣло нелегкое. Спаситель говоритъ, что „царствіе небесное силою берется и употребляющіе усиліе восхищаютъ его“ (Матѣ. 11, 12); предъ каждымъ изъ насъ открытъ съ одной стороны широкій и легкій путь жизни міра, съ другой—узкій и трудный путь жизни евангельской, и въ нашей волѣ избрать тотъ или другой. Благодать Божія намъ содѣйствуетъ и вспомоцествуетъ во благое, но не подавляетъ нашей нравственной самодѣятельности: Христось стоитъ предъ дверьми души нашей и призываетъ насъ ко спасенію, и кто отверзетъ Ему двери сердца своего, къ тому Онъ внидетъ и вечеряетъ съ нимъ (Апок. 3, 20). И христіанскія таинства не суть дѣйствія, вліяющія на человѣка чисто внѣшнимъ, произвольнымъ образомъ, помимо его воли и сознанія: апостоль говоритъ, что можно вкушать тѣло и кровь Господа, но можно и судъ себѣ ясти и пити (1 Кор. 11, 29); если мы крестились во Іисуса Христа, мы „въ смерть его крестихомся, спотребохомся убо ему крещеніемъ въ смерть, да якоже воста Христось отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ“ (Римл. 6, 3—4). Необходимость для нравственнаго преуспѣянія сверхъесте-

ственной благодатной помощи, восполняющей наши немощи живо сознается всякимъ, кто не потерялъ душевной чуткости, и кто видитъ потому въ себѣ постоянную борьбу между внѣшнимъ и внутреннимъ, душевнымъ и духовнымъ человѣкомъ, въ какой борьбѣ онъ такъ часто изнемогаетъ и падаетъ.—Что же послѣ этого мы должны сказать, братіе, тому извѣстному человѣку, который, считая себя понявшимъ и разъясняющимъ христіанство, смотритъ на ученіе Церкви о благодати и таинствахъ, какъ на совершенно излишнее, на томъ основаніи, что оно потворствуетъ нашей нравственной лѣности и усыпленію? Вы, богатые духовнымъ нравственнымъ опытомъ, вы, распинающіе свои страсти и похоти, борющіеся со всякими видами искушенія и грѣха, вы, подвизающіеся вообще подвигомъ нравственнымъ, добрымъ,—вы скажите сему человѣку, что онъ далекъ, безконечно далекъ отъ пониманія истинной сущности христіанства; и мало того: онъ прямо извращаетъ Христово ученіе, хотя, въ своемъ горькомъ помраченіи, думаетъ, что приноситъ службу Богу, и этому нѣкоторые вѣрятъ.

Нужно ли, братіе, больше доказывать, что и въ настоящее время есть люди, которые своимъ лжемудрствованіемъ явно извращаютъ Христово ученіе, хотя думаютъ и искренно думаютъ, что они творятъ Божіе дѣло. Въ виду этихъ-то людей мы повторили вамъ такъ близкія, такъ важныя для насъ основныя истины христіанства... Много самыхъ разнообразныхъ нападеній пришлось перенести христіанству за время его почти девятнадцативѣковаго историческаго существованія, но ихъ оно выдержало побѣдоносно, и еще какъ побѣдоносно! „Сія есть побѣда побѣдившая міръ, вѣра наша“ (1 Иоан. 5, 4). Не боится Церковь Христова никакихъ враждебныхъ волнъ, такъ часто обуревающихъ ее и готовыхъ, повидимому, потопить ея корабль, ибо „Азь съ вами есмь“, говоритъ Спаситель, „по вся дни до скончанія вѣка“ (Матѳ. 27, 10)... Но какъ печально при этомъ

состояніе людей, которые, вооружаясь противъ христіанства, пребывая во тьмѣ, думаютъ, что они ходятъ во свѣтѣ, и какъ должны мы беречься такихъ людей и такого ужаснаго духовнаго самоослѣпленія. Да, глаголющіе себе мудры быти, мнящіе себе быти духовными христіанами, объюродѣша. „Возлюбленніа, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть“ (1 Іоанн. 4, 1). Аминь.

Д. Богданевскій.